

2017 Том 10 No. 53

Голынчик Е.О., Батхина А.А. Стратегии поведения в межличностном конфликте у студентов: кросс-культурное сравнение

ГОЛЫНЧИК Е.О., БАТХИНА А.А. СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ КОНФЛИКТЕ У СТУДЕНТОВ: КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ СРАВНЕНИЕ

English version: [Golynchik E.O., Batkhina A.A. The behavior strategies in interpersonal conflict among students: cross-cultural research](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия
Высшая школа экономики, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Представлены результаты эмпирического исследования, посвященного изучению культурной специфичности выбора стратегий конфликтного поведения студентами российских и немецких вузов в контексте учебной среды. Выборку составили 195 студентов высших учебных заведений (114 российских и 81 немецкий студент). Для изучения стратегий конфликтного поведения была разработана авторская методика, базирующаяся на методах опроса и контент-анализа. Были рассмотрены предпочитаемые стратегии поведения в следующих ситуациях: конфликт студента с другим студентом; конфликт студента с преподавателем; конфликт студента с родителями. Кросс-культурное сравнение выборок обнаружило различия при выборе стратегий конфликтного поведения между студентами российских и немецких вузов в ситуации конфликта с преподавателем и другим студентом. Для российских респондентов такой стратегией является уход, а для немецких – сотрудничество. Между двумя группами не было выявлено значимых различий в предпочтениях стратегий в ситуации конфликта с родителями, хотя для российской выборки наиболее часто используемой является стратегия уступок, а для немецкой – сотрудничества. Кроме того, российские респонденты выбирают модель поведения в зависимости от ситуации, тогда как их немецкие коллеги действуют одинаково, безотносительно условий и оппонента. Также была установлена связь между определенными измерениями культуры, такими как маскулинность, индивидуализм, дистанция к власти, избегание неопределенности, долгосрочная перспектива и предпочтением той или иной стратегии конфликтного поведения. Для российских студентов выбор стратегии практически во всех ситуациях был значимо связан с уровнем маскулинности и индивидуализма, а для немецких – с долгосрочной перспективой. Данные результаты указывают на значимость такого предиктора, как культура, при выборе стратегии конфликтного поведения.

Ключевые слова: межличностный конфликт, стратегии конфликтного поведения, культурные измерения, конфликт в учебной среде, предикторы конфликтного поведения

Психологические исследования стилей конфликтного поведения начались в середине прошлого столетия в США и на сегодняшний день представляют собой хорошо разработанную область исследований. Как и многие другие формы социального поведения, наши действия в конфликтной ситуации детерминированы множеством факторов [Гришина, 2016]. Среди них – личностные и ситуативные особенности, специфика восприятия конфликта. Особый интерес для социального

психолога представляют социально-исторические детерминанты и культурная вариативность предпочтения тех или иных стратегий поведения в конфликте. Несмотря на большое количество исследований, посвященных данной проблеме, она не утратила своей актуальности. Во многом это связано с глобальными социокультурными трансформациями, переживаемыми современным обществом [Стефаненко, 2014]. Переход к постиндустриальной экономической системе вызывает изменение существующих в культуре ценностей и нормативных регуляторов [Paraboteeah et al., 2013]. Поэтому одной из задач психологической науки становится «мониторинг» установок коммуникативного взаимодействия в условиях стремительно меняющейся реальности. Это поможет глубже понять культурную и историческую специфичность существующих моделей конструктивного разрешения конфликтов, а так же предложить рекомендации по урегулированию конфликтов, релевантные современной культурной и исторической ситуации.

Конфликты с участием студентов в высшем учебном заведении

Для исследования, представленного в данной статье, был выбран образовательный контекст, а именно – конфликтные ситуации, возникающие у студентов вуза. Заметим, что эта разновидность педагогических конфликтов менее изучена по сравнению со школьными конфликтами, но при этом имеет ряд характерных особенностей [Анцупов, Шипилов, 2013]. Поступив в вуз, студент попадает в новую для себя среду с новыми правами и обязанностями. Начинает происходить процесс самоутверждения в новой роли и в новой группе, поэтому первокурсники могут быть излишне категоричны в своих оценках и нравственных критериях, им присущи максимализм и обостренное чувство собственного достоинства [Шевчук, 2013]. Это, в свою очередь, может приводить к возникновению конфликтов. И если конфронтация между двумя студентами мало отличается от других подобных горизонтальных межличностных конфликтов, возникающих в совместной деятельности, то вертикальный конфликт между студентом и преподавателем, характеризующийся ролевой, позиционной асимметрией его участников [Киршбаум, 1986] и разницей в возрасте, имеет ряд особенностей, связанных со спецификой преподавательской деятельности. Конфликты данного типа могут иметь под собой разные причины: расхождения в субъективной оценке знаний у преподавателя и студента, в точках зрения на образовательный процесс в целом и на проблемные моменты отдельного предмета; противоречие может касаться как самого представления о допустимых нормах поведения в вузе, так и невыполнения студентом этих требований и норм [Харакоз, 2014]. Кроме того, подобные ситуации осложняются трудностями их разрешения, так как студент находится в зависимом положении, а привлечение третьей стороны (например, администрации факультета или вуза) не всегда оказывается эффективным. Конфликтное взаимодействие преподавателя и студента осложняется разным видением причин таких конфликтов, а так же присутствием других студентов, которые могут вовлекаться в конфликт и создавать атмосферу, которая требует от участников «сохранять лицо» [Анцупов, Шипилов, 2013]. Неразрешенный, деструктивный конфликт с преподавателем может стать для студента серьезной проблемой, влияющей на качество его обучения, академическую успеваемость, личностное развитие, профессиональный рост и психологическое здоровье [Куприянов, 2011].

Культурная вариативность выбора стратегии конфликтного поведения

Давно известно, что культура является одним из важнейших предикторов конфликтного поведения [Ting-Toomey et al., 2000]. Исследования в данной области чаще всего опираются на теорию культурных измерений Г.Хофстеде, а также концепцию индивидуализма-коллективизма Г.Триандиса [Мацумото, 2003; Стефаненко, 2014]. Большинство работ посвящены сравнению стран «Запада» и «Востока», занимающих диаметрально противоположные значения на континууме ценностей. Наиболее изученным культурным измерением является индивидуализм / коллективизм. Рядом исследователей была установлена следующая тенденция: представители индивидуалистических культур предпочитают стратегии, направленные на активное удовлетворение собственных интересов, такие как доминирование и сотрудничество, тогда как представители коллективистических выше ставят интересы оппонента, поэтому либо уступают, либо уходят от конфликта [Gabrielidis et al., 1997; Pearson, Stephan, 1998; Elsayed-Ekhouly, Buda, 1996; Oetzel, 1998; Ting-Toomey et al., 2000]. Одно из возможных объяснений такого результата заключается в том, что представители коллективистских культур используют в конфликте так называемую «модель сохранения гармонии», в то время как индивидуалисты чаще прибегают к «конфронтационной модели» [Kozan, 1990]. Многие исследования

подтверждают данную гипотезу. Так, было обнаружено, что мексиканские и бразильские респонденты (коллективисты) чаще прибегают к уходу и уступкам по сравнению с европейскими респондентами (индивидуалисты) [Kagan et al., 1982]. Однако более поздние работы, в которых индивидуализм / коллективизм делится на горизонтальный и вертикальный, демонстрируют некоторые отклонения от установленного «правила». Данные таких исследований часто противоречивы, особенно при изучении представителей коллективистических культур. Так, голландские исследователи обнаружили, что респонденты с высоким уровнем горизонтального коллективизма чаще прибегают к активной стратегии сотрудничества [Boroş et al., 2010], а их американские коллеги установили, что в подобном случае чаще используется пассивная стратегия уступок [Komarraju et al., 2008]. Результаты турецких исследователей подтверждают, что коллективизм является фактором выбора сотрудничества в конфликте. Но при этом авторы отмечают, что немаловажную роль здесь играют и другие аспекты – значимость личного успеха, ценность работы в одиночку, нормы подчинения групповым интересам [Ma et al., 2010]. Азиатские студенты (коллективисты) с равной частотой выбирают уступки, уход и сотрудничество [Kim, Kitani, 1998]. Таким образом, для представителей коллективистических культур важна ориентация на интересы партнера в конфликте, при этом они могут использовать как активные, так и пассивные стратегии поведения в зависимости от обстоятельств. Важно также отметить, что для коллективистов выбор стратегии зависит и от того, с кем именно происходит конфликт: если это представитель «чужой» группы, то высока вероятность выбора «жесткой стратегии», например, доминирования [Pearson, Stephan, 1998]. Исследователи объясняют это тем, что поддержание хороших отношений с представителем аутгруппы не представляет для коллективиста такой ценности, как отношения с членами ингруппы.

Относительно влияния других культурных факторов на конфликтное поведение известно, что члены культур с большей дистанцией власти имеют меньше конфликтных ситуаций с начальством и более статусными людьми, чем члены культур с низкой дистанцией. Кроме того, члены культур с большей дистанцией чаще прибегают к решению конфликтов с помощью третьей стороны [Лейнг, Стефан, 2003]. Представители феминной культуры предпочитают стратегии близкие к компромиссу, тогда как представители маскулинной – чаще прибегают к доминированию [Там же].

Кросс-культурных исследований конфликтного поведения, выполненных на российской выборке, крайне мало. А противоречивость данных об особенностях нашей культуры, которую демонстрируют современные работы, свидетельствует о происходящих в ней изменениях, например, о переходе от коллективистической ориентации к индивидуалистической [Стефаненко, 2014]. Все это побудило нас к проведению исследования на стыке психологии конфликта и кросс-культурной психологии, которое позволило бы восполнить существующий пробел в этой области. Мы предположили, вслед за Б.И.Хасаном, что коллективистическое прошлое наших соотечественников достаточно сильно определяет существующую в обществе «конфликтофобию», побуждающую выбирать пассивные стратегии поведения в конфликте [Хасан, 2002], особенно в ситуациях вертикальных конфликтов в вузе.

Целью исследования являлось кросс-культурное сравнение предпочитаемых стратегий конфликтного поведения у студентов российских и немецких вузов в учебной среде. Для достижения цели решались следующие задачи: 1) разработка авторской методики по изучению стратегий конфликтного поведения у студентов; 2) выявление предпочитаемых стратегий поведения в конфликтных ситуациях у российских и немецких студентов; 3) выявление параметров культуры, характеризующих российскую и немецкую выборки; 4) сравнение предпочитаемых российскими и немецкими студентами стратегий конфликтного поведения и соотнесение их с параметрами, по которым отличаются российская и немецкая культуры.

Для проведения эмпирического исследования были выдвинуты следующие гипотезы: 1) существуют различия в предпочитаемых стратегиях конфликтного поведения в учебной среде между студентами российских и немецких вузов; 2) существует связь между выбором стратегии конфликтного поведения российскими и немецкими студентами и выраженностью таких параметров культуры, как коллективизм / индивидуализм, маскулинность, дистанция власти; 3) немецкие студенты чаще, чем российские, будут предпочитать активные стратегии сотрудничества и доминирования; 4) российские студенты чаще, чем немецкие, будут предпочитать пассивные стратегии уступок и ухода; в ситуации конфликта с преподавателем (фигурой, наделенной властью).

Методы

Выборка

В исследовании принимали участие студенты российских вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Волгограда (в графе национальность 98% респондентов указали «русские») и студенты немецких вузов Берлина, Йены, Тюбингена, Мангейма, Кёльна, Бонна (в графе национальность 95% указали «немцы», 5% – «австрийцы»). При подборе респондентов использовалась стратегия «снежного кома».

На подготовительном этапе при разработке авторской методики «Стратегии конфликтного поведения» выборку составили 63 российских студента (35 женщин, 28 мужчин в возрасте от 17 до 27 лет: $M = 20,4$, $SD = 1,3$) и 45 немецких студентов (26 женщин, 19 мужчин в возрасте от 18 до 32 лет: $M = 24,3$, $SD = 2,1$). Выборка основного исследования также была представлена двумя группами респондентов: 51 российский студент (30 женщин, 21 мужчина в возрасте от 17 до 27 лет: $M = 21,1$, $SD = 1,2$) и 37 немецких студентов (23 женщины, 14 мужчин в возрасте от 20 до 31 года: $M = 24,3$, $SD = 1,9$).

Методики и процедура исследования

При подготовке исследования было решено отказаться от использования традиционных опросников, направленных на диагностику предпочитаемых стратегий конфликтного поведения (например, тест Томаса-Килманна), и опробовать более новый и гибкий дизайн, предложенный исследователями Потсдамского университета Ф.Хаар и Б.Крае [Haar, Krahe, 1999]. Подготовительный этап нашего исследования был посвящен разработке авторской методики (отдельно для российской и немецкой выборок), позволяющей изучать предпочитаемые стратегии конфликтного взаимодействия на материале конкретных ситуаций, близких участникам исследования.

Сначала со студентами проводилось полуструктурированное интервью на тему «Типичные конфликтные ситуации в учебной среде». По итогам интервью были выделены 12 сценариев типичных межличностных конфликтных ситуаций в учебной среде российских и немецких вузов.

Далее нашей задачей было выделение наиболее типичной и наиболее негативно эмоционально окрашенной ситуации межличностного конфликта в каждой из следующих диад: студент – студент, студент – преподаватель, студент – родители. Для этого был составлен опросный лист, содержащий описания 12 сценариев конфликтных ситуаций, выделенных ранее на основе интервью. Респондентам предлагалось оценить каждую ситуацию по трем шкалам: типичность для учебной среды; частота встречаемости в личном опыте и в опыте друзей; негативность эмоциональной окраски. По результатам опроса были отобраны три ситуации (по одной из каждой категории) с наивысшим рангом по трем перечисленным шкалам. Именно их описания и вошли в авторскую методику «Стратегии конфликтного поведения», которая использовалась на этапе основного исследования. В бланке методики за каждым описанием следовал открытый вопрос «Как бы Вы поступили, если бы оказались на месте главного героя?». Полученные ответы обрабатывались методом контент-анализа. Единицей анализа служили ответы студентов. В качестве категорий выступали стратегии конфликтного поведения по К.Томасу (доминирование, сотрудничество, компромисс, уступки, уход), а индикаторами являлись слова и фразы, описывающие их характерное проявление. Кодировочная инструкция прошла экспертную оценку сотрудниками кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова. Подсчет индикаторов проводился дважды, с интервалом в один месяц, для повышения достоверности результатов. В итоге были получены частоты предпочтений каждой стратегии конфликтного поведения для каждой ситуации и выборки соответственно.

Кроме этого, в исследовании использовались следующие методики:

1) модуль исследования ценностей VSM08 Г.Хофстеде для измерения выраженности у респондентов культурных измерений по шкалам индивидуализм / коллективизм, дистанция власти, маскулинность / феминность, избегание неопределенности, кратковременная / долгосрочная

временная перспектива (бланки на немецком и русском языках были взяты с официального сайта автора [Hofstede et al., 2008]);

2) методика измерения индивидуализма / коллективизма INDCOL Г.Триандиса, позволяющая изучить уровень горизонтального и вертикального индивидуализма / коллективизма [Triandis et al., 1998] (апробация данной методики для российской и немецкой выборок была осуществлена на кафедре социальной психологии МГУ имени М.В.Ломоносова [Шишкина, 2003]);

3) тест-опросник «Кто Я?» М.Куна и Т.Макпартлэнда в модификации Т.В.Румянцевой [Румянцева, 2006] (для немецких респондентов инструкция была переведена на немецкий язык при помощи методики двойного перевода);

4) ценностный опросник SVS Ш.Шварца (российским респондентам была предложена первая часть методики в адаптации В.Н.Карандашева [Карандашев, 2004], для немецких респондентов была использована сокращенная версия этого опросника, апробированная для Германии Д.Бор [Boer, 2013]).

Методы обработки данных

Результаты, полученные при помощи описанных методик, обрабатывались статистически с использованием критерия χ^2 Спирмена, t-критерия Стьюдента и ранговой корреляции Спирмена. Все расчеты проводились в программах Microsoft Excel 2010 и SPSS Statistics 20.

Результаты и обсуждение

Культурные параметры, характеризующие российскую и немецкую выборки

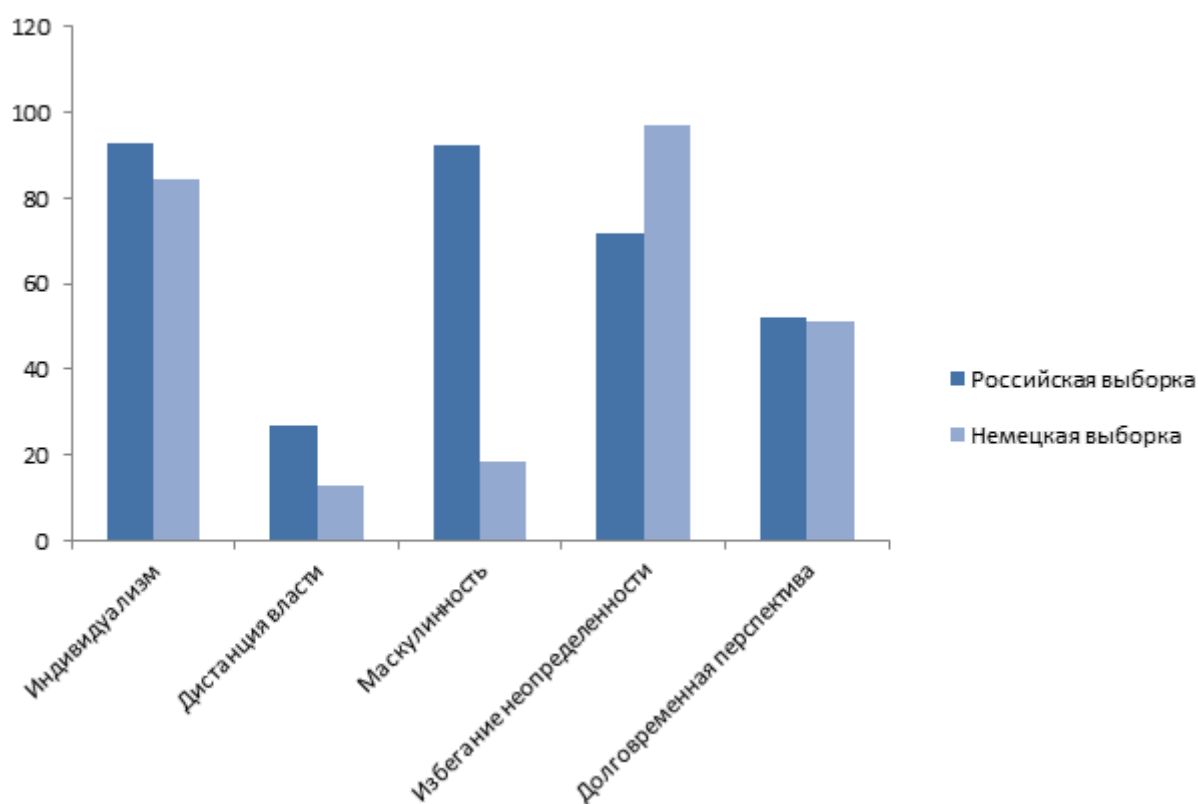

Рис. 1. Гистограмма распределения средних значений культурных измерений по данным опросника VSM08 среди российских и немецких студентов .

Культурный профиль, полученный для российских студентов по данным опросника VSM08 (рис. 1), демонстрирует следующие средние значения: дистанция власти 26,75, маскулинность 92,55, индивидуализм 92,74, избегание неопределенности 71,67, долговременная перспектива 52,15. Можно

заметить, что профиль российских студентов расходится с привычными представлениями о российской культуре, как о коллективистской, с сильно выраженной дистанцией власти, тенденцией к феминности и долговременной перспективе [Hofstede, 2001]. Это может быть связано с социокультурными трансформациями в российском обществе [Лебедева, 2009; Леонтьев, 2009], которые нашли отражение в ценностях и взглядах современной молодежи. Последние исследования демонстрируют, что российское студенчество движется в сторону принятия западных ценностей: индивидуализма, равенства, достижения [Стефаненко, 2014].

Высокий уровень индивидуализма могут подтвердить и результаты методики INDCOL: средние показатели как вертикального (3,76), так и горизонтального (5,67) индивидуализма значительно выше у российских студентов, чем у немецких (средние 2,83 и 5,61 соответственно). Главенствующей ценностью российских студентов, измеренной с помощью опросника Шварца, является самостоятельность, что также соответствует выявленной тенденции, однако это может объясняться и особенностями возраста испытуемых: молодые люди начинают строить свою собственную жизнь и высоко ценят независимость. При этом в ответах российских респондентов на методику «Кто Я?» преобладают социальные характеристики – семейная принадлежность, учебно-профессиональная ролевая позиция, указание пола, что считается характерным для коллективистических культур. Такое расхождение в полученных с помощью разных методик результатах можно объяснить присутствием в нашем обществе сложного процесса постепенного отказа от коллективистского самосознания [Заславская, 2004].

Низкий уровень дистанции власти (26,75) у российских студентов, полученный при помощи методики VSM08, не нашел подтверждения в результатах методики INDCOL: уровень вертикальности (5,65) выше у российских респондентов, чем у их немецких коллег (4,05). Так что, несмотря на заметно уменьшившуюся, по сравнению с исследованиями прошлых лет, дистанцию власти, респонденты по-прежнему демонстрируют тенденции к патернализму и иерархичности, которые традиционно считаются характерными для русской ментальности [Павловская, 2009, т. 1]. Интерес представляет и сильно выраженный для российской культуры показатель маскулинности. Можно предположить, что такой результат связан с дискурсами успешности и агрессивности, активно транслируемыми СМИ [Арясова, 2008; Малышева, 2007]. Анализируя результаты, стоит учитывать и особенности студенческой выборки, так, низкая дистанция власти, несвойственная российской культуре в целом, возможно, объясняется тем, что студенчество всегда являлось самой свободомыслящей частью общества, склонной отвергать авторитеты [Кокин, 2012]. Уровень избегания неопределенности также немного снизился относительно данных последних исследований, что, вероятно, связано с молодым возрастом респондентов, их большей гибкостью и адаптивностью.

Для немецкой выборки по данным методики VSM08 были получены следующие значения средних величин: дистанция власти 12,55, маскулинность 18,2, индивидуализм 84,25, избегание неопределенности 97,25, долговременная перспектива 51,2. Данные результаты, кроме низкого уровня маскулинности, соответствуют немецкому культурному профилю [Hofstede, 2001]. Высокий уровень феминности, зафиксированный нами, может говорить о том, что современная немецкая молодежь стремится к «женскому типу» культуры, в котором высоко ценятся взаимопомощь, забота, качество жизни. По результатам методики INDCOL, средние показатели немецких респондентов выше, чем у российских, только по шкале горизонтального коллективизма (5,33 и 3,69 соответственно). Вероятно, такой результат связан с особенностями немецкой учебной среды, поощряющей совместную деятельность и не делающей акцент на конкуренции. При этом в ответах по методике «Кто Я?» у немецких респондентов преобладают личностные качества, что является типичным для индивидуалистической культуры [Леонтьев, 2009]. Вместе с тем, такие качества, как «дружелюбный» и «внимательный к людям», занимающие первый и третий ранги в списке, говорят об ориентации на интересы партнера по общению, что перекликается с высоким уровнем феминности немецких студентов. Это же подтверждают высокие ранги следующих ценностей: доброта (ранг 1), универсализм (ранг 3) и гедонизм (ранг 4), измеренные при помощи опросника Шварца.

Стратегии конфликтного поведения и их взаимосвязь с параметрами культуры

При работе с собранными данными респонденты российской и немецкой выборок делились медианой на подгруппы в зависимости от выраженности культурных параметров, и для каждой из этих

подгрупп были подсчитаны частоты предпочтений разных стратегий поведения (для снижения количества степеней свобод было принято решение объединить стратегии сотрудничества и компромисса). После этого для каждой ситуации из авторской методики и каждой выборки строились таблицы сопряженности (2x4), где в строках располагалось количество респондентов с высокой и низкой выраженностью параметра культуры, а в столбцах – количество респондентов, отдавших предпочтение той или иной стратегии. Расчет критерия χ^2 Спирмена позволил проверить значимость взаимосвязи двух переменных из таблиц сопряженности. Построение таких таблиц дало возможность не только оценить зависимость между выраженностью культурного параметра и стилем конфликтного поведения, но и увидеть, какой именно стратегии отдавали предпочтение респонденты с разными уровнями одного и того же культурного параметра. При сравнении частотных распределений немецкой и российской выборок использовался критерий χ^2 .

Таблица 1

Частоты предпочтений стратегий конфликтного поведения немецкими и российскими респондентами в разных конфликтных ситуациях

	Немецкие студенты			Российские студенты		
	Ситуация №1	Ситуация №2	Ситуация №3	Ситуация №1	Ситуация №2	Ситуация №3
Доминирование	0,19	0,20	0,15	0,30	0,23	0,17
Сотрудничество	0,49	0,32	0,43	0,00	0,07	0,19
Компромисс	0,14	0,15	0,14	0,17	0,04	0,19
Уступки	0,00	0,08	0,11	0,05	0,24	0,26
Уход	0,19	0,24	0,18	0,48	0,43	0,20

Примечания. Ситуация №1 – конфликт «студент – студент». Ситуация №2 – конфликт «студент – преподаватель». Ситуация №3 – конфликт «студент – родители». Курсивом выделены наибольшие частоты в столбце.

По результатам проведенного анализа можно сказать, что при оценке ситуации конфликта между студентами российские и немецкие респонденты значимо отличаются по предпочтению стратегий поведения ($p < 0,05$). 49% немецких респондентов избрали для себя стратегию сотрудничества, а 48% российских – уход. Было также установлено, что для российских респондентов выбор стратегии значимо зависит от контекста ситуаций ($p < 0,05$), что обычно характерно для коллективистических культур [Стефаненко, 2014]. В немецкой выборке эти два параметра не связаны.

В ситуации конфликта с преподавателем предпочтения респондентов из разных стран также значимо различались ($p < 0,05$). Наиболее предпочитаемой стратегией для российских студентов снова стал уход от конфликта (43%), а для немецких – сотрудничество (32%). В ответах немецких респондентов также достаточно высок процент стратегии ухода (24%). Вероятно, предпочтение ухода в обеих выборках связано с особенностью самой ситуации, предполагающей зависимость дальнейшего обучения студента от решения преподавателя [Шевчук, 2013]. При этом российские студенты практически не использовали продуктивные стратегии сотрудничества и компромисса (в сумме 11%).

При сравнении российской и немецкой выборок по предпочтениям стратегий поведения в конфликте с родителями не было обнаружено значимых различий. Вместе с тем интересно, что ситуация детско-родительского конфликта – единственная из трех ситуаций методики, в которой российские студенты предпочитали стратегии, нацеленные на интересы партнера (в общей сумме 64%).

Взаимосвязь между уровнем выраженности культурных параметров и выбором стратегий конфликтного поведения не всегда являлась значимой (не во всех ситуациях и не со всеми культурными измерениями) (таблица 2).

Таблица 2

Взаимосвязь между уровнем выраженности культурных параметров и выбором стратегий конфликтного поведения (значение критерия χ^2)

	Немецкие студенты			Российские студенты		
	Ситуация №1	Ситуация №2	Ситуация №3	Ситуация №1	Ситуация №2	Ситуация №3
Индивидуализм	8,94	8,67	3,04	5,36	12,33	8,94
Дистанция власти	0,31	7,91	1,28	0,68	7,4	3,16
Маскулинность	6,02	2,33	1,76	13,33	6,03	3,17
Избегание неопределенности	1,17	2,15	2,52	2,2	1,36	8,95
Долговременная перспектива	8,1	10,22	10,12	0,04	1,46	2,81
Горизонтальный индивидуализм	8,52	0,64	8,43	9,68	1,42	11,8
Вертикальный индивидуализм	0,12	3,75	8,15	1,43	6,13	0,43
Горизонтальный коллективизм	1,7	0,53	0,28	2,34	2,26	1,37
Вертикальный коллективизм	2,41	2,88	2,47	0,9	0,07	1,58

Примечания. Ситуация №1 – конфликт «студент – студент». Ситуация №2 – конфликт «студент – преподаватель». Ситуация №3 – конфликт «студент – родители». Курсивом выделены значимые значения при $p < 0,01$.

В ситуации конфликта с другим студентом российские респонденты, попавшие в группу с высоким показателем маскулинности или с высоким горизонтальным индивидуализмом, предпочитают из всех стратегий доминирование. В этой же ситуации немецкие студенты с высоким индивидуализмом и долговременной ориентацией чаще всего выбирают сотрудничество, а с низким горизонтальным индивидуализмом – уход. Как и ожидалось, в ситуации конфликта с преподавателем выявлена значимая связь выбора стратегии с дистанцией власти, но, на удивление, отсутствует таковая с вертикальным индивидуализмом / коллективизмом. В ситуации конфликта с родителями российские респонденты с низким уровнем индивидуализма предпочитают сотрудничество, а с высоким горизонтальным индивидуализмом – доминирование.

Обобщая результаты по всем трем конфликтным ситуациям, можно выделить следующие связи: для немецкой выборки выбор стратегии поведения связан с индивидуализмом, дистанцией власти, долговременной перспективой, а для российской – с индивидуализмом в целом и с горизонтальным индивидуализмом, избеганием неопределенности, маскулинностью. При анализе таблиц сопряженности было отмечено следующее (см. табл. 3): российские респонденты с высоким уровнем индивидуализма в большинстве своем выбирают доминирование. Немецкие студенты с низким уровнем индивидуализма предпочитают уход, а с низкой дистанцией власти или ориентацией на долговременную перспективу – сотрудничество. Большинство российских студентов с высоким уровнем избегания неопределенности выбирают в качестве стратегии уход. Немецкие студенты с высокими показателями вертикального и горизонтального индивидуализма выбирают доминирование, а с ориентацией на долгосрочную перспективу – сотрудничество.

Таблица 3

Взаимосвязь между уровнем выраженности культурных параметров и выбором стратегий конфликтного поведения (анализ таблиц сопряженности)

	Немецкие студенты	Российские студенты
Доминирование	Высокий уровень горизонтального и вертикального индивидуализма	Высокий уровень индивидуализма и горизонтального индивидуализма
Сотрудничество	Низкая дистанция к власти, Ориентация на долговременную	Низкий уровень индивидуализма

	перспективу	
Компромисс	-	-
Уступки	-	-
Уход	Низкий уровень индивидуализма	Высокий уровень избегания неопределенности

В целом полученные результаты созвучны данным современных исследований, демонстрируют происходящие в российском обществе культурные изменения [Стефаненко, 2014], в частности – переход к ориентации на индивидуализм, равенство и достижения. При высоком уровне индивидуализма в российской выборке парадоксально выглядит высокая частота выбора стратегии ухода, особенно в ситуациях конфликта «студент – студент» и «студент – преподаватель» (подтверждающая наличие «конфликтофобии» у российских студентов), правда, второй по встречаемости является стратегия доминирования. Другие активные стратегии, ориентированные на учёт интересов партнёра (сотрудничество и компромисс), выбираются крайне редко. Такой результат контрастирует с предпочтением немецкими студентами (уровень индивидуализма которых тоже достаточно высок) в тех же ситуациях сотрудничества. Объяснить эти данные можно только обратившись к анализу других культурных параметров. Вероятно, с ростом индивидуализма российской культуры студенты все чаще занимают активную позицию в конфликте (чем выше индивидуализм, тем чаще выбирается доминирование). Интересно, что российские респонденты с более низким индивидуализмом реагируют «по-старому», скорее коллективистически, предпочитая уход от конфликта. По всей видимости, выбору активной стратегии сотрудничества и готовности ориентироваться на интересы партнёра «мешает» высокий уровень маскулинности российской выборки. В пользу этого предположения говорит высокий уровень феминности немецкой культуры, где чаще выбираются активные стратегии, ориентированные на интересы партнера в конфликте. Иначе говоря, индивидуализм и снижение дистанции власти в российской культуре все чаще толкают студентов на активное отстаивание своих прав в образовательном процессе, но ориентация на достижения (маскулинность) в сочетании с отсутствием отработанных процедур конструктивного урегулирования педагогических конфликтов в вузе заставляет их «метаться» между двумя крайностями: уход от конфликта (для менее индивидуалистически ориентированных) или доминирование (для выраженных индивидуалистов), не позволяя реализовывать партнёрское взаимодействие и переговоры с преподавателем или своим коллегой. Другим культурным параметром, связанным с выбором российскими студентами ухода от конфликта, является избегание неопределённости.

Для немецкой же выборки еще более значимым, чем феминность, параметром культуры, определяющим при общей индивидуалистической направленности выбор сотрудничества во всех ситуациях, является ориентация на долгосрочную перспективу.

Выводы

1. Российские и немецкие студенты в ситуациях конфликта с другим студентом и преподавателем предпочитают использовать разные стратегии конфликтного поведения (для российских респондентов наиболее предпочитаемой стратегией является уход, а для немецких – сотрудничество). Соответственно, для этих ситуаций подтвердилась гипотеза 1.

2. Были выявлены значимые связи между выраженностью таких показателей культуры, как индивидуализм (горизонтальный и вертикальный), маскулинность, дистанция власти, долгосрочная перспектива, избегание неопределенности и выбором стратегии конфликтного поведения, что подтвердило гипотезу 2. Однако не во всех конфликтных ситуациях все перечисленные параметры были значимо связаны с выбором стратегии. Это говорит о том, что стоит учитывать не только культурный, но и ситуационный контекст.

3. Частично подтвердилась гипотеза 3. Немецкие студенты чаще используют стратегию сотрудничества, но при этом гораздо реже, чем российские респонденты, прибегают к стратегии доминирования.

4. Российские студенты чаще, чем их немецкие коллеги, используют стратегии уступок и ухода,

особенно в ситуации конфликта с преподавателем. Данная закономерность подтверждает гипотезу 4.

Результаты представленного исследования демонстрируют, что учёт и анализ нескольких параметров культуры и их сочетания друг с другом при кросс-культурном сравнении предпочитаемых стратегий поведения в конфликте позволяет получить более «объемное» объяснение культурной вариативности стилей конфликтного взаимодействия.

Литература

Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2015.

Арясова А.Я. Ценностные ориентации молодежи в содержании государственной информационной политики: дис. ... канд. полит. наук. Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, Москва, 2008.

Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2016.

Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.

Киришбаум Э.И. Психолого-педагогический анализ конфликтных ситуаций в педагогическом процессе: дис. ... канд. психол. наук. Ленинград, 1986.

Кокин А.Б. Студенчество как социальная группа, современные социально-психологические представления о студенчестве. В кн.: Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: материалы II Всероссийской научно-практической (заочной) конференции, Санкт-Петербург, 2012. МО: СВИБТ, 2012. С. 129–135.

Куприянов Р.В. Межличностные конфликты в диаде преподаватель – студент. Казань: КНИТУ, 2011.

Лебедева Н.М. Ценностный компонент в характеристике русского национального характера и его влияние на экономическое развитие России. Мир психологии, 2009, 3(59), 58–68.

Лейнг К. [Leung K.], Стефан У.Дж. [Stephan W.G.] Социальная справедливость с точки зрения культуры. В кн.: Психология и культура. СПб.: Питер, 2003. С. 598–655.

Леонтьев М.Г. Особенности культуры как фактор разрешения межличностного конфликта: дис. ... канд. психол. наук. Моск. гос. университет, Москва, 2009.

Малышева Н.Г. Содержание стереотипов маскулинности / феминности в средствах массовой информации. В кн.: Гендерные практики: описание, рефлексия, интерпретация: материалы V Международной конференции молодых исследователей «Гендерные практики: традиции и инновации», Санкт-Петербург, 2005. СПб.: Алина, 2007. С. 58–64.

Мацумото Д. [Matsumoto D.] Психология и культура. СПб.: Питер, 2003.

Павловская А.В. Русский мир. М.: Слово, 2009. Т. 1–2.

Синельникова Е.С. Социальные установки российских и голландских студентов в межличностном общении. В кн.: Материалы международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014», Москва, 2014 [CD]. М.: МАКС Пресс, 2014.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2014.

Румянцева Т.В. Психологическое консультирование. Диагностика отношений в паре. СПб.: Речь, 2006.

Хасан Б.И. Природа и механизмы конфликтофобии. В кн.: Н.И. Леонов (Сост.), Конфликтология: Хрестоматия. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Модек, 2002. С. 98-105.

Харакоз Е.В. Сравнение восприятия преподавателями и студентами конфликтов между ними: диплом. работа. Моск. гос. университет, Москва, 2014.

Шевчук Д.А. Конфликты: как ими управлять. М.: Эксмо, 2013.

Шишкина А.А. Индивидуализм / коллективизм как фактор адаптации к инокультурному окружению: диплом. работа. Моск. гос. университет, Москва, 2003.

Batkina A., Davidovitch N. Cross-cultural research the preferable strategies in student conflict. In: Quality, Mobility and Globalization in Higher Education. New York, NY: Nova Publishers, 2016. pp. 203–219.

Boer D. SSVS-G. Deutsche Kurzskaala des Wertefragebogens von S.H. Schwartz (Short Schwartz's Value Survey). In: Handbuch Kurzskalen psychologischer Merkmale. Berlin: Medizinisch-Wissenschaftlichen Verlagsgesellschaft, 2014. pp. 299–302.

Boros S., Meslec N., Curseu P.L., Emons W. Struggles for cooperation: conflict resolution strategies in multicultural groups. *Journal of Managerial Psychology*, 2010, 25(5), 539–554.

Elsayed-Ekhouly S.M., Buda R. Organizational conflict: A comparative analysis of conflict styles across cultures. *The International Journal of Conflict Management*, 1996, 7(1), 71–81.

Gabrielidis C.A., Stephan W.G., Ybarra O., Pearson V.M.D.S., Villareal L. Preferred styles of conflict resolution: Mexico and the United States. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1997, 28(6), 661–677.

Haar B.F., Krahe B. Strategies for resolving interpersonal conflicts in adolescence: A German-Indonesian comparison. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1999, 30(6), 667–683.

Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M., Vinken H. Value Survey Module 2008 Manual. 2008.
<http://www.mjliebhaber.com/psyc354/manualvsm08.pdf>

Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2001.

Kagan S., Knight G., Martinez-Romero S. Culture and the development of conflict resolution style. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1982, 13(1), 43–59.

Kim M.S., Kitani K. Conflict management styles of Asian- and Caucasian-Americans in romantic relationships in Hawaii. *Journal of Asian Pacific Communication*, 1998, 8(1), 51–68.

Komarraju M., Dollinger S.J., Lovell J.L. Individualism-collectivism in horizontal and vertical directions as predictors of conflict management styles. *International Journal of Conflict Management*, 2008, 19(1), 20–35.

Kozan M.K. Relationships of hierarchy and topics of conflict management styles: A comparative study. In: *Theory and research in conflict management*. New York: Praeger Publishers, 1990. pp. 174–187.

Leung K., Bond M.H., Carment D.W., Krishnan L., Liebrand W.B. Effects of cultural femininity on preference for methods of conflict processing: A cross- cultural study. *Journal of Experimental Social Psychology*, 1990, 26(5), 373–388.

Ma Z., Erkus A., Tabak A. Explore the impact of collectivism on conflict management styles: a Turkish study. *International Journal of Conflict Management (Emerald)*, 2010, 21 (2), 169–185.

Oetzel J.G. The influence of situational features on perceived conflict styles and self-construals in work groups. *International Journal of Intercultural Relations*, 1999, 23(4), 679–695.

Paraboteeah K., Cullen J.B., Paik Y. National differences in intrinsic and extrinsic work values: The effects of post-industrialization. *International Journal of Cross Cultural Management*, 2013, 13(2), 159–174.

Pearson V.M., Stephan W.G. Preferences for styles of negotiation: A comparison of Brazil and the US. *International Journal of Intercultural Relations*, 1998, 22(1), 67–83.

Ting-Toomey S., Yee-Jung K.K., Shapiro R.B., Garcia W., Wright T.J., Oetzel J.G. Ethnic / cultural identity salience and conflict styles in four US ethnic groups. *International Journal of Intercultural Relations*, 2000, 24(1), 47–81.

Triandis H.C., Chen X.P., Chan D.K.-S. Scenarios for the measurement of collectivism and individualism. *Journal of cross-cultural psychology*, 1998, 29(2), 275–289.

Поступила в редакцию 24 февраля 2017 г. Дата публикации: 21 июня 2017 г.

Сведения об авторах

Голынчик Елена Олеговна. Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: elena_golynchik@mail.ru

Батхина Анастасия Александровна. Аспирант, факультет социальных наук, департамент психологии, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", ул. Мясницкая, д. 20, 101000 Москва, Россия.

E-mail: batkhina.anastasia@gmail.com

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Голынчик Е.О., Батхина А.А. Стратегии поведения в межличностном конфликте у студентов: кросс-культурное сравнение. *Психологические исследования*, 2017, 10(53), 12. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Голынчик Е.О., Батхина А.А. Стратегии поведения в межличностном конфликте у студентов: кросс-культурное сравнение // *Психологические исследования*. 2017. Т. 10, № 53. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n53/1435-golynchik53.html>

[К началу страницы >>](#)